Международные процессы, Том 19, № 2 (65), сс. 50–73
DOI 10.17994/IT.2021.19.2.65.4

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ФРГ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

ФИЛИПП ТРУНОВ
ИНИОН РАН, Москва, Россия

Резюме

В статье предпринята попытка оценить позиции Германии в военно-политической области, занятые к концу эпохи А. Меркель. Ключевая проблема в сфере безопасности и обороны состоит в том, что в своих действиях, направленных на укрепление позиций на мировой арене, немецкий истеблишмент обязан учитывать ограничения, обусловленные исторической ответственностью за развязывание Второй мировой войны. Отсюда вытекает приверженность ФРГ принципам мультилатерализма и «стратегической сдержанности» в вопросах боевого и в целом провокационного использования военно-силового потенциала. Автор показывает, как менялись эти составляющие внешней политики Германии в конце 2010-х годов. В завершающий период канцлерства А. Меркель решение задачи по укреплению позиций ФРГ заметно осложнилось на глобальном, региональном (евроатлантическое сообщество) и страновом уровнях. Рост электоральной поддержки Альтернативы для Германии, представляющий угрозу сохранению властных полномочий истеблишмента, побудил элиты к активизации своих действий в политической и военной сферах. Внешнеполитический курс Д. Трампа и выход Великобритании из Европейского Союза усилили для Берлина значимость контактов в военно-политической области с Парижем, а также малыми и средними европейскими государствами Евросоюза и НАТО. В статье показана динамика и результаты данного процесса на страновом (применительно к важнейшим партнёрам) и субрегиональном уровнях, проанализированы шаги ФРГ по усилению своих позиций в ведущих профильных международных структурах. Автор рассматривает планы по наращиванию потенциала бундесвера до середины 2030-х годов, особенности и «узкие места» его использования на современном этапе. Пристальное внимание уделено соответствию роста военно-силового потенциала ограничениям, содержащимся в Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии. В заключение представлены выводы об основных результатах и трудностях роста военно-политических позиций ФРГ в мире к началу 2020-х годов.

Ключевые слова:

мультилатерализм; историческая ответственность; стратегическая сдержанность; бундесвер; межгосударственные отношения; переговорные форматы.

Национальные модели усиления позиций на мировой арене весьма отличаются друг от друга, будучи обусловлены особенностями ресурсной базы страны, воззрениями элит, а также историческими обстоятельствами. С точки зрения готовности и способности наращивать присутствие на международной арене Германия – это пример восходящей державы, которая, в отличие от подавляющего большинства поднимающихся игроков, входит в евроатлантическое сообщество. Берлин может оказывать существенное влияние не только на мировой арене, но и внутри Запада.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.06.2020
Дата принятия к публикации: 14.04.2021

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: 1trunov@mail.ru

Вместе с тем действия федерального правительства во внешнеполитической и особенно в военно-политической области выстраиваются с учётом ограничений, обусловленных исторической ответственностью за развязывание и разжигание крупнейших войн XX века.

Цель данной статьи – исследовать особенности, проблемы и результаты курса на укрепление позиций ФРГ в мировой политике по состоянию на начало 2020-х годов в контексте преодоления исторически обусловленных ограничений в военно-политической области. Автор выдвигает *гипотезу*: к завершению эпохи А. Меркель германский истеблишмент вплотную подошёл к осуществлению стратегического рывка, нацеленного на окончательное утверждение ФРГ в положении мировой державы, то есть полновесного глобального игрока. В политической сфере такой рывок стартовал в конце 2010-х годов, а в военной области идёт его активная подготовка. В доказательство гипотезы автор сосредоточил внимание на глубокой перестройке системы международных связей ФРГ, а также на планах количественного и качественного усиления бундесвера. Он исходил из предположения, что как восходящая держава Германия будет стремиться к развитию политического диалога с малыми и средними государствами, в то время как будут углубляться противоречия с большинством наиболее влиятельных игроков, прежде всего за пределами Запада (в частности, с Россией и Китаем). Автор отмечает, что пандемия COVID-19 замедлит (временно) продвижение Германии к намеченным целям, которые, однако, не будут подвергаться корректировке, в том числе и с точки зрения масштабов прилагаемых усилий.

Отечественные и немецкие специалисты сформировали огромный пул исследований по внешней политике ФРГ в период правления А. Меркель. Уже предпринимались попытки подвести результаты её длительного (четыре срока) пребывания у власти [Максимычев 2018; Павлов 2019; Пименова 2019; Синдеев 2020; Major 2019]. Вместе с тем пока не публиковалось специальных исследований, посвящённых ситуации в военно-политической сфере. Данный пробел и намерен восполнить автор в настоящей публикации.

Логика доказательства выдвинутой гипотезы обусловливает структуру работы, которая построена на движении от политических сюжетов к военным (учитывая примат первых[1]) и от общих – к частным. Автор прослеживает трансформацию императивов и форм политики ФРГ в области безопасности и обороны, вслед за чем переходит к изучению двусторонних связей Германии в евроатлантическом сообществе и мире, а затем показывает, как менялась роль страны в ведущих профильных международных институтах. Завершающая часть статьи посвящена вопросам наращивания потенциала бундесвера.

1

Понимание исторической ответственности Германии за развязывание крупнейших конфликтов XX века предопределило последовательную приверженность властной элиты ФРГ *принципу мультилатерализма* (многосторонности) – в том числе при выстраивании стратегии в области безопасности и обороны. В силу этого подавляющее большинство профильных переговорных площадок с участием Берлина, особенно создававшихся до начала 2010-х годов, имеют три и более государства-участника. В практике использования бундесвера нет примеров заграничного применения войск в национальном качестве, то есть вне многонациональных миссий и в отсутствие мандата, как минимум, одной из трёх международных структур – НАТО,

[1] Positionspapier: Gedanken zur Bundeswehr der Zukunft. Bundesministerium der Verteidigung Berlin, den 9. Februar 2021. URL: https://www.bmvg.de/resource/blob/5028534/44dcd6d650e6c1f19ab2b82fe1f9510f/210209_BMin%20%26%20GenInsp_Positionspapier-Bundeswehr%20der%20Zukunft.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

ЕС, ООН[2]. Приверженность мультилатерализму отражает стремление истеблишмента ФРГ, как минимум, де-юре разделять ответственность с другими государствами, тем самым избегая обвинений в реваншизме в условиях наращивания военно-политического присутствия на региональном и глобальном уровнях.

При этом с начала 2010-х годов наблюдался существенный рост числа двусторонних переговорных механизмов, прежде всего вновь запускаемых форматов межправительственных консультаций, в частности с Индией (с 2011), КНР (с 2011), Бразилией (с 2016), Нидерландами (с 2013). Увеличиваются объёмы двусторонних межгосударственных неинституциализированных контактов. Были учреждены площадки, где интересы Запада представляли Германия и Франция («нормандский формат», «стамбульский формат», Sahel G5+1). Одновременно Берлин наращивал свой вес на многосторонних площадках, в первую очередь с участием малых и средних стран ЕС и НАТО: по инициативе Германии в 2014 г. запущен формат N3+1 (Швеция, Финляндия, Дания + ФРГ), а формат B3+1 (страны Балтии + ФРГ, создан в 1994) с 2018 г. функционирует не только на высоком (главы МИД), но и высшем уровне. Сохранения Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной проблеме (2015) германская дипломатия добивалась главным образом через формат E3+1 (Великобритания, Германия, Франция + Иран)[3], а при проведении переговоров по выходу Великобритании из ЕС инициировала альтернативную «евротройку» (в которой место Лондона занял Рим)[4].

О чём это свидетельствует? Сохраняя приверженность принципу мультилатерализма, в 2010-х годах Германия стремилась увеличить свой вес в выработке, принятии и реализации решений в сфере международной безопасности, притом не только по общеполитическому, но и по военному направлению. Потенциал бундесвера использовался исключительно в рамках многосторонних военных механизмов, но в 2010-х годах ФРГ стала чаще принимать функции «рамочной нации», играя ведущую роль в управлении коллективными группировками и выделяя в их состав не менее 20% от общей численности личного состава, единиц вооружений и военной техники (ВиВТ).

Это положение относилось к использованию потенциала бундесвера как внутри, так и вне зоны ответственности НАТО. В первом случае ФРГ участвовала в комплектовании многонациональных группировок, будь то относительно небольших по объёму, зато политически значимых («тяжёлая» батальонная тактическая группа Сил передового развёртывания НАТО в Литве с 2017 года) [Glatz, Zapfe, 2018], будь то масштабных – комплектование Сил быстрого реагирования и особенно их «острия копья» – бригады сверхвысокой боеготовности. Эту функцию бундесвер принял на себя на уровне Альянса в целом в сентябре 2014 г. и в январе 2019 г. (оба раза сроком на 12 месяцев), а также в ходе крупнейших к началу 2020-х годов учений Альянса *Trident Juncture 18*.

Вне традиционной зоны ответственности НАТО бундесвер играл роль «рамочной нации» в Международных силах содействия безопасности в Афганистане (до 2014) и сменившей их операции *Resolute Support* (с 2015) в североафганских провинциях, а также в деятельности миссий – военно-

[2] Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr (2016). Berlin: Bundesregierung, 2016. S. 62–80.

[3] E3 statement on the Joint Comprehensive Plan of Action: 14 July. 14.07.2019. URL: https://teheran.diplo.de/ir-de/aktuelles/-/2233350 (accessed: 01.01.2021).

[4] Pressestatements von Bundeskanzlerin Angela Merkel, dem italienischen Ministerpräsidenten Paolo Gentiloni und dem französischen Staatspräsidenten Emmanuel Macron in Triest. 12.07.2017. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzlerin-angela-merkel-dem-italienischen-ministerpraesidenten-paolo-gentiloni-und-dem-franzoesischen-staatspraesidenten-emmanuel-macron-844658 (accessed: 01.01.2021).

тренировочной ЕС EUTM Mali (с момента её запуска в 2013) и миротворческой ООН МИНУСМА (в 2016–2018) в Мали.

Исследуя действие принципа мультилатерализма в политике Западной, а в последующем и объединённой Германии, следует подчеркнуть, что с момента основания ФРГ (1949) интегрированность в состав евроатлантического сообщества федеральное правительство считает константой своей внешней политики. Руководство Боннской, а затем и Берлинской республик свой курс на мировой арене проводил и проводит сквозь призму обязательств перед партнёрами по НАТО и ЕС. Данное положение предопределяло низкую готовность, а в ряде случаев и отсутствие таковой, к выстраиванию кооперативных схем (моделей) безопасности с незападными державами.

Наиболее отчётливо это проявлялось в отношениях Бонна/Берлина с СССР, а затем и Россией, что ярко иллюстрируют два примера. Первый относится к эпохе канцлера К. Аденауэра, когда ФРГ стремилась предельно сблизиться с западными державами (Westmächte – США, Великобритания, Франция), чтобы стать одной из них. Тем самым руководство Западной Германии де-факто разрушало существовавшую в Европе тетрархию держав антигитлеровской коалиции, претендуя на место СССР и тем в корне меняя направленность обновлённого политического «четырёхугольника». Декларируя признание исторической ответственности за развязывание Второй мировой войны, ФРГ преследовала цель отойти от положения побеждённой страны, делая долгосрочную ставку на сближение с западными державами и одновременно проводя предельно жёсткую линию в отношении СССР[5]. В этой связи Бонн, как ни парадоксально, был заинтересован в обострении «холодной войны», хотя она порождала огромные риски для самой ФРГ, расположенной на передовой линии противостояния. Противостояние позволяло Западной Германии легально, в согласии с союзными державами, наращивать ресурсную базу, в том числе путём ремилитаризации.

Не менее показателен пример реалий новой «холодной войны» (с весны 2014 года). С одной стороны, Германия внесла вклад в недопущение неконтролируемой эскалации напряжённости, особенно на первых, наиболее чреватых её риском, этапах конфронтации евроатлантического сообщества и России. В этой связи следует упомянуть запуск «нормандской четвёрки» и «сочинского формата». С другой – ФРГ постепенно наращивала участие в системе «сдерживания» Москвы – в общеполитическом, экономическом, военном и ценностно-информационном отношениях. В частности, это проиллюстрировали выдвижение ФРГ политизированного «дела Навального» и резкая деградация двусторонних отношений с середины 2020 года, сопровождаемая ростом напряжённости на постсоветском пространстве, вызванным в числе прочего неготовностью Берлина учитывать интересы России в этом важнейшем для неё регионе[6].

Оба представленных примера показательны. Бонн/Берлин весьма жёстко действовал в отношениях с Москвой, хотя СССР понёс колоссальные и уникальные в мировой истории потери, прежде всего людские, вследствие агрессии гитлеровской Германии. Действия германских властей способствовали переписыванию истории и особенно итогов Второй мировой войны. Фактически стоит вопрос о перестановке местами ролей СССР (с жёсткой критикой его правопреемницы), внёсшего решающий вклад в дело разгрома нацизма, а, следовательно, и защиты демократических ценностей, и Германии – агрессора,

[5] Архив Посла Степанова А.И. / ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН, фонд 1, опись 1, дело 2, лист 3-р.

[6] Вступительное слово Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе встречи с делегацией партии «Альтернатива для Германии». 08.12.2020. URL: https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/4470110 (дата обращения: 01.01.2021).

развязавшего самый разрушительный в истории народов военный конфликт. Символично, что «нормандский формат» был учреждён 6 июня 2014 года, то есть в 70-ю годовщину высадки западных союзников на французской земле с целью открытия Второго фронта борьбы с Третьим рейхом. На Первом (Восточном), основном фронте, тяжелейшую борьбу с общим агрессором вёл Советский Союз. Став соинициатором запуска «нормандской четвёрки», Берлин демонстративно выказывал вынужденный характер взаимодействия с Россией[7]. Подключаясь к урегулированию вооружённого конфликта на востоке Украины, то есть на территории бывшего СССР, в качестве (отнюдь не беспристрастного) арбитра, руководство ФРГ де-факто подчёркивало единство с западными державами-победительницами во Второй мировой войне (прежде всего, с оккупированной Третьим рейхом Францией) для сдерживания мифической российской угрозы.

К чему ведёт данная политика? Де-факто она направлена на частичное нивелирование ответственности Германии за развязывание и разжигание Второй мировой войны, улучшая исторический и политический фон для укрепления позиций ФРГ на международной арене.

Представленные выше тенденции иллюстрируют заметно возросшую в 2010-х годах активность истеблишмента ФРГ по разрешению *ключевой стратегической дилеммы* в области безопасности и обороны. Это – необходимость органичного сочетания двух противоречащих целей: максимально усилить влияние страны на мировой арене и учитывать многочисленные (включая де-юре добровольные) ограничения в военно-политической области, а также исторически детерминированные (в основном латентные) опасения европейских государств перед ростом влияния Берлина на континенте и в мире. Большинство таких стран входят в евроатлантические институты и рассматриваются истеблишментом Германии в качестве ближайших и наиболее ценных партнёров. Соответственно, тактически Берлин изыскивает возможности нивелировать, де-факто (но не де-юре) обходить и даже по возможности использовать в своих интересах наложенные на него ограничения.

К преодолению описанной стратегической дилеммы западногерманские власти приступили со времени создания Боннской республики. Этот процесс развивался беспрерывно, притом росли не только его промежуточные результаты, но и скорость. После окончания «холодной войны» и объединения, запустив и наращивая объёмы использования бундесвера вне традиционной зоны ответственности НАТО, ФРГ стала двигаться к позиции региональной державы. Символами достижения этого статуса стали перенос столицы из Бонна в Берлин (напоминающий о периоде великодержавности в истории Пруссии, а затем и объединённой Германии) и боевое использование люфтваффе в военно-воздушной операции НАТО против Югославии – прецедент наступательного использования германских сил в Европе впервые после окончания Второй мировой войны.

В канцлерство Г. Шрёдера (1998–2005) была предпринята попытка ускорить преодоление ограничений в области безопасности и обороны, но её результаты оказались сугубо тактическими. При А. Меркель (с 2005 года) тактика достижения главной стратегической цели стала более плавной, а действия – менее спешными. В 2010-х годах, особенно второй половине десятилетия, Берлин существенно повысил активность в области международной безопасности. Эта тенденция сохранилась и в период замораживания значительной части мирополитических процессов в условиях пандемии COVID-19.

В 2021 г. ожидается окончание периода канцлерства А. Меркель: она неоднократно

[7] Bundeskanzlerin Merkel führt Gespräch mit dem russischen Präsidenten Putin, 6.06.2014. URL: https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/06/2014-06-06-merkel-putin.html (дата обращения: 01.01.2021).

Таблица 1

Результаты выборов в бундестаг после объединения Германии, %

Год проведения	Партия					
	Левая	Союз 90/Зелёные	СДПГ	ХДС/ХСС	СвДП	АдГ
1990 г.	2,4	5,1	33,5	43,8	11,0	–
1994 г.	4,4	7,3	36,4	41,4	6,9	–
1998 г.	5,1	6,7	40,9	35,1	6,2	–
2002 г.	4,0	8,6	38,5	38,5	7,4	–
2005 г.	8,7	8,1	34,2	35,1	9,8	–
2009 г.	11,9	10,7	23,0	33,8	14,6	–
2013 г.	8,6	8,4	25,7	41,5	4,8	4,7
2017 г.	8,2	8,9	20,5	32,9	10,7	12,6

Источник: составлено автором по данным сайта Ergebnisse der Bundestagswahlen. 2020. URL: https://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestagwahlen.htm (дата обращения 01.01.2021).

декларировала решение не баллотироваться на пост канцлера в пятый раз. Перспектива её ухода из политики и связанная с этим неопределённость объективно потребовали от руководства ФРГ оперативно и максимально полно продвинуться в деле реализации державных амбиций к фактическому нивелированию ограничений в области безопасности и обороны. Правда, германский истеблишмент столкнулся с рядом вызовов. На глобальном уровне это, *во-первых*, заметное ухудшение отношений с рядом незападных держав – в первую очередь с Россией. *Во-вторых*, неспособность эффективно бороться с масштабными рисками нестабильности, проецируемыми из конфликтогенных государств Азии и Африки, как показал миграционный кризис 2015–2016 годов. На региональном уровне (евроатлантическое сообщество) вызовами стали прежде всего выход Великобритании из ЕС и трампизм, а на внутриполитическом уровне – усиление оппозиционных партий.

С конца 2000-х годов прогрессирует тенденция к утрате электоральной поддержки «народными партиями», составлявшими традиционную основу политической системы: блоком ХДС/ХСС и СДПГ. Если в начале 1990-х годов они вели за собой квалифицированное большинство избирателей – 75–80%, то в 2017 г. этот показатель упал до критической отметки в 53%. Ключевая причина тому – рост электоральной поддержки сил, расположенных на флангах партийного ландшафта: в 1990-х годах они привлекали голоса около 2,5 % избирателей, а в 2017 году – 20,8%, приблизившись к показателям партий-«китов» (табл. 1). Эта тенденция прослеживается и в результатах выборов федеральных земель и вольных городов, представленных в табл. 2.

На уровне всех субъектов (за исключением двух вольных городов), как и на федеральном, отметим рост электоральной поддержки Альтернативы для Германии (АдГ). Во главу внешнеполитической части программы эта партия поставила тему, на обсуждение которой наложено неофициальное табу со стороны истеблишмента: скорейшего, притом в незавуалированной форме, обретения Германией подлинного суверенитета[8]. АдГ выступает за выход или, как минимум, снижение объёмов участия в работе евроатлантических институтов и за конструктивный диалог с широким кругом незападных держав, включая Россию

[8] Programm für Deutschland. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017. URL: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (дата обращения: 1.01.2021).

Таблица 2

Результаты парламентских партий на региональных выборах, % от общего числа голосов избирателей (изменение в%)

Федеральная земля, вольный город (год выборов)	Левая	Союз 90/ Зелёные	СДПГ	ХДС/ХСС	СвДП	АдГ
Бавария (2018) (к выборам 2013 г.)	3,2 (+2,1)	17,5 (+8,9)	9,7 (-10,9)	37,2 (-10,5)	5,1 (+1,8)	10,2 (+10,2)
Баден-Вюртемберг (2016) (к выборам 2011 г.)	2,9 (+0,1)	30,3 (+6,1)	12,7 (-10,4)	27,0 (-12,0)	8,3 (+3,0)	15,1 (+15,1)
Берлин (2016) (к выборам 2011 г.)	15,6 (+3,9)	15,2 (-2,4)	21,6 (-6,7)	17,6 (-5,8)	6,7 (+4,9)	14,2 (+14,2)
Бранденбург (2019) (к выборам 2014 г.)	10,7 (-7,1)	10,8 (+4,6)	15,6 (-7,4)	26,2 (-5,7)	4,1 (+2,6)	23,5 (+12,2)
Бремен (2019) (к выборам 2015 г.)	11,3 (+1,8)	17,4 (+2,3)	24,9 (-7,9)	26,7 (+4,3)	5,9 (-0,7)	6,1 (+0,6)
Гамбург (2020) (к выборам 2015 г.)	9,1 (+0,6)	24,2 (+11,9)	39,2 (-6,4)	11,2 (-4,7)	4,9 (-2,4)	5,3 (-0,8)
Гессен (2018) (к выборам 2013 г.)	6,3 (+1,1)	19,8 (+8,7)	19,8 (-10,9)	27,0 (-11,3)	7,5 (+2,5)	13,1 (+9,0)
Мекленбург – Передняя Померания (2016) (к выборам 2011 г.)	13,2 (-5,2)	4,8 (-3,9)	30,6 (-5,0)	19,0 (-4,0)	3,0 (+0,2)	20,8 (+20,8)
Нижняя Саксония (2017) (к выборам 2013 г.)	4,6 (+1,5)	8,7 (-5,0)	36,9 (+4,3)	33,6 (-2,4)	7,5 (-2,4)	6,2 (+6,2)
Рейнланд-Пфальц (2016) (к выборам 2011 г.)	2,8 (-0,2)	5,3 (-10,1)	36,2 (-5,7)	31,8 (-4,4)	6,2 (+4,2)	12,6 (+12,6)
Саар (2017) (к выборам 2012 г.)	12,8 (-3,3)	4,0 (-1,0)	29,6 (-1,0)	40,7 (+5,5)	3,3 (+2,1)	6,2 (+6,2)
Саксония (2019) (к выборам 2014 г.)	10,4 (-8,5)	8,6 (+2,9)	7,7 (-4,7)	32,1 (-6,9)	4,5 (+0,7)	27,5 (+17,8)
Саксония-Анхальт (2016) (к выборам 2011 г.)	16,3 (-7,4)	5,2 (-1,9)	10,6 (-10,9)	29,8 (-2,7)	4,9 (+1,1)	24,3 (+24,3)
Северный Рейн-Вестфалия (2017) (к выборам 2013 г.)	4,9 (+2,5)	6,4 (-4,9)	31,2 (-8,9)	33,0 (+6,7)	12,6 (+4,0)	7,4 (+7,4)
Тюрингия (2019) (к выборам 2014 г.)	31,0 (+2,8)	5,2 (-0,5)	8,2 (-4,2)	21,8 (-11,7)	5,0 (+2,5)	23,4 (+12,8)
Шлезвиг-Гольштейн (2017) (к выборам 2012 г.)	3,8 (+1,5)	12,9 (-0,3)	27,2 (-3,2)	32,0 (+1,2)	11,5 (+3,3)	5,9 (+5,9)

Источник: составлено автором по данным сайта: Ergebnisse der Landtagswahlen. 2020. URL: https://www.wahlrecht.de/ergebnisse (дата обращения 01.01.2021).

[Пименова 2019]. Тем самым возник сценарий движения ФРГ по пути укрепления позиций на мировой арене, представляющий альтернативу действиям властей, которые предпочитают плавное, растянутое по времени движение, не вызывающее негативной реакции партнёров по ЕС и НАТО.

Действующей элите необходимо не только приостановить рост электоральной поддержки АдГ, но и добиться её снижения, чтобы избежать утраты части властных полномочий. Решению этой задачи может способствовать существенный прогресс в вопросе наращивания военно-политических позиций ФРГ в мире. Наибольший потенциал достижения этой стратегической цели содержится в перестройке системы двусторонних межгосударственных отношений Германии – прежде всего с партнёрами по евроатлантическому сообществу. Безусловно, для ФРГ важен диалог

с другими западными державами (США, Великобританией и Францией). Однако растущую значимость имеет развитие отношений с массивом малых и средних государств–членов ЕС и НАТО, причём официальный Берлин пытается мягко, но достаточно последовательно обеспечить роль «старшего партнёра». Переход от взаимодействия к полноценному сотрудничеству (в тех случаях, где это положение ещё не было достигнуто) и его дальнейшее углубление со сложившимися фокусными партнёрами – как внутри зоны ответственности Альянса, так и за её пределами – обеспечивает существенное укрепление позиций Германии, позволяя ей действовать в соответствии с логикой концепции мультилатерализма. Притом увеличение веса происходит как на уровне самого евроатлантического сообщества (в том числе обеспечивая более сильные позиции в отношении США и других западных держав), так и на международной арене в целом.

2

Германская элита привержена идее органичной интегрированности страны в евроатлантическое сообщество, а её осуществление немыслимо без влиятельных США, готовых и способных вносить весомый вклад в коллективные действия возникающих проблем. В этой связи победа Д. Трампа на президентских выборах в Соединённых Штатах стала стратегическим шоком для истеблишмента ФРГ. Берлин был обеспокоен отходом администрации 45-го президента США от принципов мультилатерализма (в первую очередь размыванием духа трансатлантической солидарности) и попытками перехода от мягкого лидерства к жёсткой гегемонии в рамках евроатлантического сообщества. Трампизм представлял собой линию, направленную на реализацию интересов США в их предельно узком национальном понимании. При этом решение краткосрочных (сугубо тактических) задач превалировало над достижением долгосрочных (стратегических) целей. Выделим две наиболее чувствительные для ФРГ группы противоречий с США при администрации Д. Трампа. Первая вызвана тональностью и содержанием решений американского президента в вопросах развития отношений с партнёрами по евроатлантическому сообществу: заморозка переговоров по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнёрству, требование повысить расходы на военные нужды до уровня в 2% от ВВП и выше и в увязке с этим оглашение неоднократно менявшихся планов по сокращению/увеличению военного присутствия США на территории союзников, особенно в ФРГ[9]. Вторая группа обусловлена односторонними решениями Д. Трампа по выходу из договорённостей, достигнутых для решения острых региональных и глобальных проблем. В частности, это признание суверенитета Израиля над Иерусалимом (2017), выход из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской проблеме (2018), попытка запустить параллельный «нормандской четвёрке» формат по украинскому урегулированию (миссия спецпредставителя Государственного департамента К. Волкера) с риском обнуления минских соглашений (2015), и без того встречавших трудности на пути реализации.

Демонстрируя растущее неприятие заявлений и действий администрации президента США, руководство ФРГ подчёркивало надежды на улучшение отношений в эпоху пост-Трампа[10]. Они выражались в установлении «красных линий» в осла-

[9] См.: US transferring 1,500 soldiers to Germany 07.09.2018. Available at: https://www.dw.com/en/us-transfering-1500-soldiers-to-germaniya-45404469 (accessed: 01.01.2021); Major US military units to leave Germany as part of large drawdown to begin within weeks, Esper says. 29.07.2020. Available at: https://www.stripes.com/major-us-military-units-to-leave-germany-as-part-of-large-drawdown-to-begin-within-weeks-esper-says-1.639217 (accessed: 01.01.2021).

[10] Rede des Bundesministers des Auswärtigen, Heiko Maas, zur Eröffnung der 16. Botschafterkonferenz im Auswärtigen Amt. 27.08.2018. URL: https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2018/08/85-1-bmaa-botschafternonferenz.html (дата обращения: 01.01.2021).

блении отношений с Соединёнными Штатами (равно как и другими партнёрами по евроатлантического сообществу), которые германский традиционный истеблишмент не готов и не может себе позволить перейти. Эти границы размываются по мере хронологического отдаления от момента объединения ФРГ (1990). Иными словами, степень заинтересованности Берлина в поддержке Соединёнными Штатами его усилий, нацеленных на укрепление позиций на мировой арене в канцлерство Г. Шрёдера (1998–2005) и особенно Г. Коля (1983–1998) была существенно больше, чем в эпоху А. Меркель.

Следует подчеркнуть, что трампизм не только создал вызовы, но и расширил «окна возможностей» для укрепления позиций Германии внутри евроатлантического сообщества (как защитницы его традиционных ценностей, перехватившей, пусть и временно, данную роль от США) и на глобальном уровне. В частности, приверженность ФРГ совместно с европейскими государствами ЕС и НАТО курсу на создание независимого Палестинского государства с включением в его состав Восточного Иерусалима[11] и сохранение ядерной сделки с Ираном[12] укрепляли позиции Берлина на Ближнем и Среднем Востоке.

Усложнение диалога с Белым домом при администрации Д. Трампа совпало по времени со снижением интенсивности диалога с другой англосаксонской державой – Великобританией – в условиях выхода последней из ЕС. Как и в случае США, после неудачных попыток убедить партнёра отказаться от негативного сценария («обнулить» формулу выхода из ЕС) Германия подчёркивала заинтересованность в сохранении максимально тесного сотрудничества в рамках НАТО, «группы семи»[13], а в последующем и по сохранению СВПД [von Ondazra, 2019].

Брекзит, равно как и трампизм, создавал и возможности для укрепления позиций ФРГ на мировой арене. Главная из них состояла в углублении и разветвлении контактов с европейскими партнёрами по ЕС и НАТО. Интенсификацию контактов ФРГ в вопросах обеспечения обороны и безопасности с восточно-, западно-, североевропейскими и прибалтийскими странами–участницами евроатлантических институтов германские исследователи указывают в качестве ключевой причины новой «холодной войны» между Западом и Россией [Major, von Voss 2016: 2–8]. При такой оценке происходящего в тени оказались значимые обстоятельства: политика Д. Трампа, выход Великобритании из ЕС, а также стратегическая уязвимость перед угрозами нестабильности, проецируемыми из конфликтогенных государств Азии и Африки.

Истоки такого исследовательского подхода понятны: признание значимости трампизма и Брекзита эквивалентно признанию глубокого кризиса внутри евроатлантического сообщества, а признать собственную стратегическую уязвимость – это расписаться в неэффективности проводившейся с начала 1990-х годов широко разрекламированной, притом весьма затратной стратегии противодействия вызовам нестабильности на дальних подступах к странам–участницам ЕС и НАТО. Наиболее важной её частью было урегулирование в Афганистане, которое в конце 2010-х годов столкнулось с риском почти полного обнуления результатов. На этом фоне именно тезис о российской угрозе стал выгодным, не требующим признания собственных проблем и масштабных ошибок поводом к сплочению.

[11] 360 grad Jerusalem. Dienstag, 12.12.2017. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/360-grad-jerusalem-431372 (дата обращения: 01.01.2021).

[12] Maas im Iran. "Wir bemühen uns nach Kräften". 10.06.2019. URL: https://www.tagesschau.de/ausland/maas-iran-117.html (дата обращения: 01.01.2021).

[13] Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und der britischen Premierministerin May. 20.07.2016. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-der-britischen-premierministerin-may-844560 (дата обращения: 01.01.2021).

Изыскивая возможности упрочить свои позиции на мировой арене, Германия в конце 2010-х годов прикладывала максимум усилий для развития контактов с европейскими континентальными странами ЕС и НАТО. Из числа «старых» западных держав (США, Великобритании, Франции) де-факто единственной к углублению сотрудничества с ФРГ готова Пятая республика. Инициировав запуск «нормандского формата» и став западными гарантами минских соглашений, германо-французский тандем делал ряд шагов в сторону урегулирования конфликта на юго-востоке Украины[14]. При всех трудностях «нормандская четвёрка» в 2017–2019 годах выиграла конкуренцию с миссией К. Волкера, что стало существенным дипломатическим успехом Германии (и Франции). Дуумвират предпринял усилия по сохранению СВПД с Ираном после выхода из него администрации Д. Трампа. Несмотря на провал попыток Э. Макрона и А. Меркель в ходе визитов в США (24 и 27 апреля 2018 г. соответственно) предотвратить это решение, тандем придерживался курса на сохранение ядерной сделки, действуя в составе евротройки, то есть с участием Великобритании[15].

Тесная координация позиций наблюдалась на сирийском и иракском направлениях, на которых обе страны последовательно поддерживали оппозицию и активно сотрудничали в Группе друзей Сирии. Символично, что к западной антитеррористической коалиции, предназначенной для борьбы с «Исламским государством»[16] в Сирии и Ираке, ФРГ присоединилась в декабре 2015 года, декларировав активацию статьи 42 Договора о ЕС о праве на самооборону (а не статью 5 Вашингтонского договора) в ответ на просьбу Франции[17] после террористических актов в Париже. После успехов, достигнутых коалицией России, правительства Сирии и Ирана в борьбе с ИГ на территории Сирии, а также формирования «астанинского треугольника» германо-французский тандем активно искал пути выхода на «стратегические сделки» с каждым из его участников. В частности, 27 октября 2018 г. в Стамбуле была проведена встреча России, Германии, Турции и Франции[18], выявившая глубокие расхождения сторон по «идлибской проблеме».

Исключительно важным направлением сотрудничества Берлина и Парижа стало урегулирование вооружённого конфликта в Мали (с 2013 года). Стороны выступили организаторами межмалийских (с участием Бамако и договороспособных представителей туарегов) переговоров в Алжире и гарантами итоговых договорённостей от 15 мая и 20 июня 2015 года. Они содействовали их осуществлению в политическом и в военном отношениях (в рамках миссий ООН МИНУСМА и ЕС EUTM Mali). С 2017–2018 годов двустороннее сотрудничество по Мали расширилось на все страны Сахельской пятёрки (включая Буркина-Фасо, Мавританию, Нигер, Чад).

Германо-французский тандем стремился сохранить роль «локомотива» интеграции внутри ЕС. В частности, в ноябре 2017 г. две страны стали основными инициаторами программы Постоянного структурированного сотрудничества по вопро-

[14] Pressekonferenz von BK'in Merkel, Präsident Macron, Präsident Putin und Präsident Selensky. 09.12.2019. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bk-in-merkel-praesident-macron-praesident-putin-und-praesident-selensky-am-9-dezember-2019-1705200 (дата обращения: 01.01.2021).

[15] E3 statement on the Joint Comprehensive Plan of Action: 14 July. 14.07.2019. URL: https://teheran.diplo.de/ir-de/aktuelles/-/2233350 (accessed: 01.01.2021).

[16] Запрещённая в России террористическая организация.

[17] Rede von Ursula von der Leyen // Plenarprotokoll 18/142. Deutscher Bundestag, 18 Wahlperiode. Stenografischer Bericht 142. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 2. Dezember 2015. S. 13876C-13877A.

[18] Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, Präsident Erdoğan, Präsident Putin und Präsident Macron zur Lage in Syrien in Istanbul. 27.11.2018. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-praesident-erdogan-praesident-putin-und-praesident-macron-zur-lage-in-syrien-1542886 (дата обращения: 01.01.2021).

сам безопасности и обороны (Permanent Structured Cooperation, PESCO), приняв активное участие в формировании его профильных комитетов. Была модифицирована правовая основа двусторонних отношений: 22 января 2019 г. канцлер А. Меркель и президент Э. Макрон подписали Ахенский договор, сменивший Елисейский договор (1963). Приоритетное внимание в новом документе уделено сотрудничеству в области безопасности и обороны[19]. Показателем глубины и зрелости двусторонних отношений стал переход в 2003 г. от формата межправительственного диалога к более гибкому механизму межминистерских консультаций. Значимую роль в координации усилий в военно-политической области играет Германо-французский совет по вопросам обороны и безопасности (с 1988).

Дуумвират позиционирует свои отношения как образцовые. Действительно, уровни взаимодоверия и институциализации диалога исключительно высоки, объёмы и глубина сотрудничества велики, причём все данные параметры прогрессировали на протяжении длительного времени. Вместе с тем отношения не свободны от проблем, преимущественно латентных, обусловленных неофициальным спором о лидерстве внутри тандема. К примеру, активно содействуя усилиям французских военных в Мали в рамках миссий под эгидой ООН и ЕС, ФРГ не направила свои войска для участия в операциях под французским командованием в Мали («Сервал», затем «Бархан») и в принципе отказалась от боевого использования бундесвера. Тем самым даже под влиянием настоятельных просьб ближайшего союзника Германия не была готова поступиться приверженностью стратегической сдержанности (отказом от боевого использования бундесвера), что обозначало наличие определённых границ для практического сотрудничества держав–участниц тандема.

3

Лидерство Германии на уровне евроатлантического сообщества выражается в признании её старшим партнёром средними и малыми странами–участницами НАТО. Можно ли говорить об упрочении в канцлерство А. Меркель отношений с этими государствами? Такая тенденция возникла к концу 2010-х годов: почти в каждом субрегионе евроатлантического сообщества ФРГ стремилась иметь фокусное государство-партнёр (реже двух), выстроив с ним схему продвинутого межгосударственного сотрудничества, призванную быть привлекательной для других игроков. Её важнейшими элементами следует признать:

1) на высшем и высоком (министерском) уровнях интенсивный диалог, институциализированный в формате межгосударственных консультаций и/или многосторонних переговорных площадок;

2) готовность ФРГ оказывать военную помощь в различных формах и/или наличие военных группировок совместного (преимущественно двустороннего) комплектования.

В *Западной Европе*, помимо Франции, таким полноценным союзником ФРГ следует признать Нидерланды. Более 50% наземных бригад бундесвера входят в состав военных группировок дивизионного и корпусного уровня, комплектуемых совместно с Нидерландами. Это управление 1-го германо-нидерландского корпуса (способно принять управление силами численностью до 80 тысяч военнослужащих), 1-я танковая дивизия и дивизия сил быстрого реагирования бундесвера, в каждую из которых включено по одной бригаде королевской армии. Спектр использования совместных военных группировок весьма широк: от миссий вне традиционной зоны ответственности НАТО (прежде всего, в Афганистане в 2000-х годах и в Мали в 2010-х) до комплектования сил быстрого реагирования (СБР; в 2014/15 и 2019 годах) и сил передо-

[19] Text des Vertrags von Aachen. 31.01.2019. URL: https://de.ambafrance.org/IMG/pdf/2019-01-19-vertrag-von-aachen-data.pdf?24531/00390d5439ac1e125b4e6879b9c66f1a173bcf20 (дата обращения: 01.01.2021).

вого развёртывания (СПР; батальонная тактическая группа в Литве) Альянса в Европе. Регулярные (не реже трёх раз в год во второй половине 2010-х годов[20]) встречи на высшем и высоком уровнях стороны осуществляют с 2013 года, в том числе в ходе межправительственных консультаций. Это первый пример подобного типа сотрудничества Германии с малым, а не крупным государством. Близки позиции сторон по урегулированию вооружённых конфликтов в Сирии, Мали и Украине[21]. Де-факто правительство Нидерландов во главе с премьер-министром М. Рютте делегировало Германии право представлять свои интересы в форматах, где отсутствует Амстердам («нормандский формат», «евротройка» по сохранению СВПД[22]).

Аналогичным образом строится диалог Германии с Норвегией – важнейшим партнёром в *Северной Европе*. Показательно, что именно А. Меркель стала инициатором избрания на пост генерального секретаря НАТО (2014)[23] Й. Столтенберга, что не только укрепило позиции Норвегии в Альянсе, но и устранило из норвежской политики конкурента главы правительства Э. Сульберг. Став премьер-министром, Сульберг многократно встречалась с А. Меркель (преимущественно в Берлине) перед саммитами «группы семи», ЕС, НАТО – не будучи представлена в первых двух структурах, Норвегия доводила через Германию свои запросы. О готовности Берлина поддержать Осло в военной сфере свидетельствует масштаб и характер использования бундесвера в ходе крупнейших военных учений НАТО *Trident Juncture 18* (25 октября – 7 ноября 2018 года), проводившихся на территории скандинавской страны. Из общего контингента в 50 тыс. 8 тыс. были военнослужащими бундесвера; сверх того, Германией было перемещено 4 тыс. единиц боевой и транспортной техники. При передислокации массы войск в Норвегии комбинированным путём рассматривался вопрос о временном размещении в Королевстве военно-транспортного управления бундесвера. Тем самым Германия отработала выстраивание военно-логистической цепочки в сторону Норвегии.

К положению важного партнёра ФРГ в военно-политической области приближается Швеция, но с существенной оговоркой. Де-факто Берлин демонстрировал незаинтересованность в скорейшем вступлении Королевства в НАТО. С очень высокой долей вероятности Финляндия последовала бы примеру Швеции, что привело к бы резкому ускорению гонки вооружений в зоне Балтийского моря, где и без того идёт опасная эскалация напряжённости. Показательна инициатива Германии по запуску формата N3+1 (Дания, Швеция и Финляндия), который активно использовался в 2014–2016 годах. В отличие от других западных держав, ФРГ отказалась от использования войск в крупнейших учениях шведских вооружённых сил Aurora 17 (сентябрь 2017), что следует расценить как очередной сигнал о незаинтересованности во вхождении Швеции в НАТО де-юре.

Из числа стран *Балтии* ФРГ имеет наиболее продвинутые отношения в военно-

[20] Рассчитано автором на основе данных сайта: https://www.bundesregierung.de

[21] Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Ministerpräsident Rutte zu den 3. deutsch-niederländischen Regierungskonsultationen in Berlin. 2.10.2019. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-ministerpraesident-rutte-zu-den-3-deutsch-niederlaendischen-regierungskonsultationen-1678038 (дата обращения: 01.01.2021).

[22] См., напр.: Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Ministerpräsident Rutte bei den 2. deutsch-niederländischen Regierungskonsultationen in Eindhoven. 21.04.2016. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-ministerpraesident-rutte-bei-den-2-deutsch-niederlaendischen-regierungskonsultationen-848452 (accessed: 01.01.2021).

[23] Von Misstrauen (bis) zur zuverlässigen Interessengemeinschaft. Eine Kontextualisierung der norwegischen Freundschaftspflege mit dem vereinten Deutschland. 2016. URL: https://www.bpb.de/geschichte/zeitgeschichte/deutschlandarchiv/197834/eine-kontextualisierung-der-norwegischen-freundschaftspflege-mit-dem-vereinten-deutschland (дата обращения: 01.01.2021).

политической области с Литвой. Именно здесь проводились значимые встречи в формате B3+1 на уровне глав МИД, а в сентябре 2018 г. впервые состоялись переговоры на высшем уровне. Углубление политического взаимодействия сопровождалось ростом военного сотрудничества: ФРГ приняла на себя функции «рамочной нации» в комплектовании и поддержании боеспособности «тяжёлой» батальонной тактической группы сил передового развёртывания НАТО в Литве. Упомянутая часть дислоцирована поблизости от лучшего соединения литовских вооружённых сил – бригады «Железный Волк». В ходе интенсивных учений обе группировки войск достигли высокой степени тактико-оперативной слаженности, де-факто образуя многонациональную группировку НАТО с ведущим участием Германии и Литвы.

Пока ФРГ не выбрала себе главного партнёра в военно-политической сфере среди стран *Восточной Европы*. Традиционно особое внимание официальный Берлин уделял Польше, иллюстрацией чему стал запуск (1991) и последующее активное использование Веймарского треугольника. Однако в последние годы канцлерства А. Меркель германо-польский диалог стал менее интенсивным [Lang 2019: 2–4]. Отчасти это объясняется существенно более жёсткой антироссийской позицией Польши. В отличие от Варшавы, Берлин выступал против постоянного присутствия СПР НАТО вблизи границ России, но за ротацию войск.

Германия и Франция отклоняли многократные обращения Польши по включению её в состав «нормандского формата»[24], осознавая возможные негативные последствия этого шага для и без того медленно продвигающегося урегулирования вооружённого конфликта на юго-востоке Украины. В свою очередь, Варшава использовала площадку Вышеградской группы для критики ФРГ. Показательно также, что Германия, в отличие от Великобритании и США, не только не направила войск для наращивания группировки СПР НАТО на территории Польши, но принимала минимальное участие в учениях на её территории – в частности, в *Anakonda 16*.

Менее устойчивую динамику, как это ни парадоксально, демонстрируют отношения Германии с немецкоязычными Австрией и Швейцарией в *Центральной Европе*. Это обусловлено, *во-первых*, внеблоковым де-юре статусом последних, наиболее полно проявляющимся в случае Швейцарии, *во-вторых*, частичным охлаждением германо-австрийских отношений после прихода к власти в Вене правительства с ведущим участием крайне правой Австрийской народной партии во главе со С. Курцем. Это привело к фактической заморозке трёхстороннего (Германия–Австрия–Швейцария) формата встреч министров обороны, который был создан 15 апреля 2017 года[25]. Запуск переговорного формата в области безопасности и обороны на уровне руководителей военных ведомств – уникальное для внешней политики ФРГ явление.

Берлину сложно найти ключевого партнёра и в *Южной Европе*. В случае Италии наблюдается взаимное негативное восприятие попыток укрепления позиций внутри евроатлантического сообщества и в мире. В числе прочего Рим (прежде всего, в рамках группы «Объединившиеся ради консенсуса») критикует перспективу предоставления ФРГ постоянного места в Совете Безопасности ООН [Knapp 2007: 737–739]. На тех переговорных площадках, где Бер-

[24] Die wechselseitigen Beziehungen Deutschlands, Frankreichs und Polens seit Wegfall des “Eisernen Vorhangs” unter besonderer Berücksichtigung der Initiative “Weimarer Dreieck”. Deutscher Bundestag, Wissenschaftliche Dienste. WD 2 - 3000 - 075/16. 17. Mai 2016. S. 22–30.

[25] Bundesministerin der Verteidigung Ursula von der Leyen empfängt den Verteidigungsminister der Schweizerischen Eidgenossenschaft Guy Parmelin und den Verteidigungsminister der Republik Österreich Hans Peter Doskozil zu gemeinsamen Gesprächen im D-A-CH-Format auf Ministerebene. 15.03.2017. URL: https://www.bmvg.de/resource/blob/10786/43025704a5a7f379a09c38c5098123ef/13-03-17-ursula-von-der-leyen-empfaengt-die-verteidigungsminister-aus-der-schweiz-und-oesterreich-data.pdf (дата обращения: 01.01.2021).

лин играет определяющую роль, он соглашается на подключение Италии лишь на вспомогательных треках. Если переговоры по недопущению развития военной ядерной программы ИРИ со стороны Запада ведут Великобритания, Германия, Франция (формат «евротройки»), то по ракетным вооружениям – с подключением Италии, формат E4 [Meier 2019: 8]. В условиях выхода из ЕС Великобритании ряд встреч проходил в формате обновлённой «евротройки», где место Лондона занял Рим. Вместе с тем это был скорее тактический шаг, чем пересмотр стратегии выстраивания двусторонних отношений[26].

Существенно более благоприятно для Германии складывается ситуация на Балканах: в формировании постюгославского политического ландшафта ФРГ принимает полноценное участие, в том числе с применением бундесвера. Берлин последовательно поддерживал операции НАТО и включение стран субрегиона в её состав. Традиционно ближайшими партнёрами ФРГ выступают Словения и Хорватия, с растущей значимостью последней. В 2015 г. по инициативе Германии была создана Конференция по Западным Балканам – формат, направленный на углубление сотрудничества с региональными игроками, включая Боснию и Герцеговину, а также Косово, для которых Германия стремится играть роль гаранта безопасности. Заметно стало резкое потепление германо-сербских отношений в президентство А. Вучича.

Со второй половины 2010-х годов происходила деградация отношений с Турцией. Если в 2013–2015 годах, на ранних стадиях вооружённого конфликта в Сирии, ФРГ демонстрировала разностороннюю, в том числе военную (исключительно в оборонительных целях), поддержку Анкаре, то в дальнейшем произошла резкая дивергенция стратегических позиций сторон. В частности, в 2017 г. Германия вывела подразделения, применявшиеся на сирийско-иракском театре военных действий, с турецкой базы Инджирлик и перевела их в Иорданию, на аэродром Аль-Ашрак. Германия выражала растущую обеспокоенность намерением Анкары действовать сепаратно от большинства партнёров по евроатлантическому сообществу на ближневосточном и североафриканском направлениях, что, однако, не исключало тактического сотрудничества, в частности по идлибскому вопросу [Yegin 2019: 4–6].

Таким образом, ко времени окончания эпохи А. Меркель ФРГ закрепилась в положении влиятельного партнёра, органично встроенного в субрегиональные системы обеспечения безопасности и обороны Западной, Северной, Центральной Европы, стран Балтии, а также Западных Балкан, тем укрепляя своё лидерство на уровне Запада и в мире. Вместе с тем официальный Берлин не сумел существенно укрепить свои стратегические позиции в Восточной и Южной Европе, существенно ухудшив диалог с Турцией.

4

Будучи неофициальным лидером Европейского Союза, Германия последовательно выступала за создание и наращивание его военного и политико-дипломатического потенциала. Заметных успехов удалось достичь в политико-дипломатической сфере, тогда как многочисленные планы относительно развития военного потенциала (в частности, формирование Еврокорпуса) остаются на бумаге. Берлин и Париж формально сохраняют приверженность идее общего военного потенциала ЕС, но нет ответа на вопрос, как эту идею воплощать. Стратегической попыткой такого ответа можно признать запущенную в ноябре 2017 г. программу PESCO. В её рамках было

[26] Gemeinsame Erklärung der Bundeskanzlerin der Bundesrepublik Deutschland, des Präsidenten der Französischen Republik und des Ministerpräsidenten der Italienischen Republik. Montag, 27. Juni 2016. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/gemeinsame-erklaerung-der-bundeskanzlerin-der-bundesrepublik-deutschland-des-praesidenten-der-franzoesischen-republik-und-des-ministerpraesidenten-der-italienischen-republik-434862 (дата обращения: 01.01.2021).

Таблица 3
Изменение доли расходов в ВВП на военные цели для ФРГ и США

Показатель		Год							
		2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
% от ВВП	ФРГ	1,23	1,19	1,19	1,20	1,24	1,26	1,36	1,57
	США	4,03	3,73	3,52	3,52	3,30	3,28	3,51	3,87
Изменение за год, в %	ФРГ	-6,20	-1,39	+1,55	+3,52	+5,98	+3,06	+9,08	+7,73
	США	-6,04	-5,20	-2,85	+1,55	-3,82	+2,23	+9,57	+2,18

Источник: Defence expenditure of NATO countries (2013–2020). NATO Public Diplomacy Division, 2020. Communique PR/CP (2020) 104. P. 8.

Таблица 4
Структура военных расходов ФРГ

Категория (в %)	Год							
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Разработка и закупка новых ВиВТ, оснащения	12,74	12,94	11,93	12,21	11,77	12,36	14,69	16,83
Содержание военнослужащих	49,86	50,67	49,86	48,35	48,96	47,99	45,26	41,89
Развитие инфраструктуры	3,55	3,75	3,60	3,39	4,06	4,15	3,99	3,66
Иное, в т.ч. использование войск вне зоны ответственности НАТО	33,84	32,63	34,61	36,05	35,20	35,49	36,06	37,61

Источник: Defence expenditure of NATO countries (2013–2020). NATO Public Diplomacy Division, 2020. Communique PR/CP (2020) 104. P. 13–14.

создано 47 многосторонних проектных комитетов, в том числе 14 с германским участием. PESCO, судя по составу проектных комитетов, имеет два магистральных направления деятельности. *Во-первых*, это углубление военно-технического сотрудничества для создания единой в странах-участницах линейки ВиВТ, в том числе автоматизированных. *Во-вторых*, это аккумулирование опыта, повышение эффективности и тактической совместимости по многим «узким местам»: штабному планированию, военно-тренировочной деятельности, формированию единого военно-логистического пространства. Стратегическая цель упомянутых проектов заключается в создании основ общей стратегической культуры государств ЕС. Учреждение PESCO отчасти стало реакцией на феномен трампизма – в первую очередь со стороны германо-французского тандема. Активное участие Берлина в становлении PESCO было продиктовано намерением ФРГ взять на себя функцию «рамочной нации». Кроме того, просматривается цель обеспечить бундесверу практические возможности выполнять эту роль при формировании группировок под эгидой ЕС и НАТО. Стремление истеблишмента Германии укрепить свои позиции в Североатлантическом альянсе подтверждает наращивание военных расходов в абсолютном и удельном отношениях (табл. 3 и 4).

Вновь следует подчеркнуть, что рост приведённых выше показателей и, соответственно, потенциала бундесвера был обусловлен не только и не столько жёсткой критикой со стороны администрации Д. Трампа, сколько потребностью Германии в усилении своей военной машины. Иллюстративен тот факт, что Берлин не поддался диктату администрации Д. Трампа, требовавшей ускорить рост расходов на военные нужды (см. табл. 4): к началу 2020-х годов Германия ещё была далека от отметки военных расходов в 2% ВВП. Динамика изменения этого показателя (в % к предшествующему году) была у ФРГ лишь незначительно выше, чем у США. Наращивая военные ассигнования, германская сторона модернизировала парк ВиВТ в основном за счёт продукции своих фирм, а не

импорта из США, как того требовала администрация Д. Трампа[27].

Как уже отмечалось, Берлин придерживался особого подхода и в вопросах военного участия в противодействии России и выстраивания «периметра сдерживания» КНР. В первом случае Германия строго лимитировала вклад в комплектование сил передового развёртывания, отказываясь от их постоянного состава в пользу ротационного, а также при проведении учений непосредственно у российских границ, прежде всего в 2014–2015 годах, когда был особенно велик риск неконтролируемой эскалации. В случае КНР ФРГ до 2021 г. отказывалась от прямого участия в реализации планов США. При этом в конце 2010-х годов Германия стала наращивать экспорт вооружений в те страны Азиатско-Тихоокеанского региона, которые занимают настороженную позицию в отношении КНР – в Австралию, Новую Зеландию, Японию, Южную Корею, Сингапур[28]. Обращает на себя внимание демонстрация обеспокоенности официального Берлина развитием вооружённых сил России и Китая[29].

Если в ЕС и НАТО Германия действовала активно, то к участию в Совете Безопасности ООН Берлин не выказывал заметного интереса. В период канцлерства А. Меркель Германия ни разу официально не ставила вопрос о предоставлении постоянного места в Совете Безопасности ООН. Это обусловлено обострением противоречий с влиятельными международными игроками как внутри евроатлантического сообщества, так и за его пределами, включая Россию. В сложившихся реалиях удовлетворение интересов ФРГ при реформировании Совета Безопасности возможно лишь в отдалённой перспективе, что отражает сложности дальнейшего утверждения Германии в роли глобального игрока в военно-политической области.

Таким образом, к началу 2020-х годов ФРГ удалось добиться существенного увеличения влияния в евроатлантических институтах (ЕС и НАТО). Однако возможности достижения этого результата не просматриваются в случае структур в сфере международной безопасности с глобальным представительством стран-участниц и охватом деятельности.

5

Выход на позиции глобального игрока невозможен без усиления военного потенциала. С 2017 г. Министерство обороны ФРГ декларирует планы существенного наращивания основных показателей вооружённых сил одновременно с их глубокой технико-технологической модернизацией[30]. Чем они обусловлены? Главной причиной немецкая сторона называет возникновение новых мощных вызовов вдоль периметра зоны ответственности НАТО, в первую очередь относя к ним действия России[31].

Вместе с тем действительно значимой была иная причина: к середине 2010-х годов бундесвер вплотную подошёл к «дну» по количественным параметрам своей мощи. Дальнейшее сокращение означало бы критическую и практически невосполнимую потерю боеспособности, угрожающую утратой достигнутых военно-политических позиций на мировой арене, не говоря уже

[27] См.: 7. Bericht des Bundesministeriums der Verteidigung zu Rüstungsangelegenheiten. Teil 1. Berlin, 2018. 176 S.; 12. Bericht des Bundesministeriums der Verteidigung zu Rüstungsangelegenheiten. Teil 1. Berlin, 2020. 111 S.

[28] См., например: Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018 (Rüstungsexportbericht 2018). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2019. S. 73–101.

[29] Verteidigungsministerium durch Russland und China. 07.03.2021. URL: https://www.welt.de/politik/ausland/article227770275/Verteidigungsministerium-warnt-vor-Bedrohungen-durch-Russland-und-China.html (дата обращения: 15.03.2021).

[30] Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017. URL: https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/ (дата обращения: 01.01.2021).

[31] Ibid.

об их наращивании. Четверть века после окончания «холодной войны» прошли для бундесвера под знаком последовательных, по сути беспрерывных сокращений.

Если в 1989 г. в сухопутных войсках насчитывалось 12 дивизий в составе 36 бригад (не считая сил территориальной обороны), то во второй половине 2010-х годов – лишь 3 дивизии и 7,5 бригады[32]. С военной точки зрения до середины 2000-х годов сокращения были резонны, но затем они превратились в процесс ради самого процесса. Находившиеся у власти центристские партии (блок ХДС/ХСС и СДПГ) в уменьшении доли военных расходов от ВВП и численности войск (с переводом их на полностью профессиональную – контрактную основу) видели средство обеспечения электоральной поддержки. Однако с внешнеполитической точки зрения эта линия закладывала «бомбу замедленного действия» под планы по наращиванию военно-политических позиций в мире, которые преследовал Берлин.

Для разрешения данного противоречия были проведены структурные преобразования бундесвера: созданы силы кризисного реагирования (СКР) – «лёгкие» войска, оснащённые широким спектром транспортных средств, включая воздушные и морские, и индивидуальными комплектами спутниковой связи и навигации. СКР предназначались для использования вне зоны ответственности НАТО, прежде всего в зонах локальных вооружённых конфликтов, выступая ключевым инструментом обеспечения военного присутствия ФРГ на глобальном уровне. Создание СКР проводилось за счёт сокращения Сил общего назначения (СОН) – «тяжёлых» войск, предназначенных для решения задач по обеспечению территориальной обороны ФРГ и её партнёров по НАТО. Реальные темпы развития СКР серьёзно отставали от растущих потребностей бундесвера, об условленных резким расширением спектра задач и увеличением числа контингентов в составе многонациональных заграничных миссий. Нехватка восполнялась посредством привлечения к решению задач, должных решаться лишь СКР, частей СОН.

К середине 2010-х годов ФРГ достигла определённых успехов в создании основы двусоставных (СКР и СОН) вооружённых сил. В то же время продолжавшиеся сокращения бундесвера становились серьёзным препятствием на пути дальнейших структурных реформ. Показательно, что дискуссия о приближении бундесвера к критически низкому уровню боеспособности бундесвера, развернувшаяся в середине 2010-х годов, была инициирована одновременно правой оппозицией и правительством – прежде всего блоком ХДС/ХСС.

В долгосрочных (до середины 2030-х годов) планах по развитию бундесвера Министерство обороны ФРГ выделило три основных этапа. На первых двух этапах (со сроками окончания к 2024 и к 2028 годам) ключевое внимание предполагается обратить на развитие сил общего назначения. К концу 2023 г. бундесвер должен быть в состоянии комплектовать не только основу (штаб, танковые, мотопехотные части и артиллерию), но и все компоненты (то есть также военно-воздушную, морскую, сил специальных операций) бригады сверхповышенной боевой готовности сил быстрого реагирования НАТО. В дальнейшем вооружённые силы ФРГ смогут выполнять роль «рамочной нации» в составе любой группировки НАТО в Европе – как в составе СПР, так и особенно СБР. Для этого запланировано удвоение численности СОН в составе сухопутных войск: в дополнение к двум дивизиям (6,5 бригады) будут созданы ещё две дивизии по 3 бригады в каждой[33]. При использовании своих войск под эгидой НАТО Берлин

[32] См.: Weissbuch 1985 zur Lage und Entwicklung der Bundeswehr. Im Auftrage der Bundesregierung herausgeben vom Bundesminister der Verteidigung. Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1985. S. 195.; Organization der Bundeswehr. 2020. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation (дата обращения: 01.01.2021).

[33] Bundeswehr-Pläne. . .

отдаёт предпочтение именно силам быстрого реагирования (второму стратегическому эшелону многонациональных войск НАТО, размещён в глубине зоны их ответственности) перед силами передового развёртывания (первый стратегический эшелон). Сводя в восприятии незападных держав к минимуму использование бундесвера в наиболее чувствительных (боевых, а также в целом провокационных) формах, руководство ФРГ демонстрирует приверженность принципу стратегической сдержанности.

Между тем де-факто Германия укрепляет свои позиции в НАТО, поскольку в его планировании именно СБР отводится ключевая роль. К примеру, в ходе крупнейших учений (*Anakonda 16, Trident Juncture 18*) силы быстрого реагирования играли роль основной группировки, предназначенной для нанесения предельно внезапного и мощного удара из глубины. Обратим внимание, что районом сбора значительной части войск сил быстрого реагирования была назначена территория ФРГ; она же определена основным местом проведения учений *Defender Europe* 21 (перенесены с 2020 на 2021 г. из-за пандемии). В ходе этих учений должна быть отработана переброска личного состава из США в Европу для доукомплектования размещённых здесь кадрированных (по сути, имеющих лишь штабы, склады ВиВТ и подразделения их охраны) частей. Тем самым Пентагон, опираясь на поддержку ФРГ, реактивировал схему действий в кризисной обстановке, разработанную в период «холодной войны».

Наращивание сил кризисного реагирования в бундесвере запланировано по мере укрепления СОН: количество наземных дивизий в составе сил кризисного реагирования бундесвера должно удвоиться (с одной до двух), а бригад – вырасти в 2–4 раза (пока одна)[34]. К началу 2020-х годов правительство ФРГ успело сделать лишь первые шаги по пути реализации данных планов. В частности, в 2017–2020 годах численность личного состава бундесвера выросла со 179,8 до 186,9 тыс. военнослужащих, или всего на 4%[35]. На этом фоне острейшей проблемой с середины 2010-х годов становится резкое сокращение масштаба присутствия бундесвера вне традиционной зоны ответственности НАТО. Нехватка войск, которые могут быть здесь использованы, означает существенное сужение возможностей ФРГ по сохранению (не говоря уже об упрочении) своего стратегического присутствия на международной арене.

Если в начале 2010-х годов здесь применялось до 9 тыс. военнослужащих, в 2014 году – 7, то во второй половине – лишь 3,5 [Glatz, Hansen, Kaim, Vorrath, 2018: 9–11], а к 2021 году – до 2,5 тыс.[36]. Последний минимум носит временный характер, он обусловлен частичным выводом личного состава из-за пандемии. Ключевая причина отмеченного сокращения заключается в переводе наиболее боеспособных частей СОН в состав развёртываемых группировок НАТО в Европе – без этой поддержки силы кризисного реагирования не в состоянии решать стоящие перед ними задачи. Тем самым возможности Берлина по борьбе с реальными вызовами нестабильности (а не гипотетической российской угрозой) резко сократились.

6

Значимо сужение спектра географических направлений, сопровождаемое частичным перенесением центра приложения усилий бундесвера с Ближнего и особенно Среднего Востока на Западную Африку. При развёртывании заграничных миссий бундесвера ФРГ действовала в соответствии с концепцией стратегической сдержанности, отказываясь от боевого применения войск за пределами европейского континента. Из этого не следует, что такая возможность исключена в принципе. Бун-

[34] Bundeswehr-Pläne…

[35] Defence expenditure of NATO countries (2013–2020). NATO Public Diplomacy Division, 2020. Communique PR/CP (2020) 104. P. 12.

[36] Die aktuellen Einsätze der Bundeswehr. 06.01.2020. URL: https://de.statista.com/infografik/14715/soldaten-der-deutschen-bundeswehr-nach-mission-im-ausland/ (дата обращения: 01.01.2021).

десвер воевал уже дважды (в 1995 и 1999 годах) на Балканах, когда ВВС Германии участвовали в операциях под эгидой НАТО. Прецеденты точечного (численностью до 2–3 взводов) применения германского спецназа зафиксированы в районе Алеппо (Сирия, июнь 2016 года, для поддержки сирийской оппозиции) и Мосуле (Ирак, ноябрь – декабрь 2016 года, поддержка сил Багдада)[37], хотя эти факты Министерство обороны ФРГ официально отрицает.

Формула отказа от боевого использования бундесвера не была изменена и при присоединении Германии к деятельности западной антитеррористической коалиции (декабрь 2015), хотя ИГ представляло тогда реальную угрозу для ФРГ и других стран ЕС. Этот пример показывает, что приверженность концепции стратегической сдержанности препятствует эффективному подключению Германии к противодействию международному радикализму. Выгодным тактическим ходом, направленным на преодоление проблемы, стало применение бундесвера по «разгрузке» войск государств-партнёров, непосредственно ведущих боевые действия.

В канцлерство А. Меркель бундесвер был задействован в пяти масштабных (от тысячи военнослужащих) операциях. В трёх из них – в Аденском заливе, в Ливане, а также Сирии и Ираке – в течение 5–7 лет от момента запуска миссий численность военнослужащих заметно сокращалась. В миссии ATALANTA эта динамика была следствием неудачных попыток ФРГ подключиться к решению «сомалийского вопроса». Симптоматично, что в 2018 г. Берлин свернул своё и без того ограниченное участие в военно-тренировочной миссии EUTM Somalia, хотя сама миссия продолжила работу. С существенными трудностями Германия столкнулась в попытках принять на себя роль одного из внешних гарантов безопасности в Ливане (негативное отношение к этой перспективе выказала Хизбалла), Ираке и особенно в Сирии, из-за неэффективных действий Германии по борьбе с ИГ, в отличие от России и Ирана. Берлин всё ещё далёк от успешного решения задачи по выстраиванию на Ближнем Востоке системы безопасности со своим участием, которая минимизировала бы риск восстановления здесь позиций вооружённого исламизма.

Сохранение длительного (с момента начала участия бундесвера в миссии Международных сил содействия безопасности с 2002 года) и масштабного военного присутствия в Афганистане, с повторным (после 2002–2014) возобновлением роста усилий, свидетельствовало о значимости этой страны для внешней политики ФРГ. Это обстоятельство обусловлено не только и не столько важностью Афганистана для обеспечения национальной безопасности Германии – особенно принимая во внимание тот факт, что наиболее сильные международные террористические группировки в реалиях середины – второй половины 2010-х годов находились не в Центральной Азии, а на Ближнем Востоке. Афганистан важен ФРГ своей геополитической ценностью, позволяя демонстрировать действительно глобальный характер военного присутствия Германии на мировой арене, в том числе в относительной близости не только от России, но также КНР и Индии.

Стратегическая сделка, заключённая 29 февраля 2020 г. администрацией Д. Трампа с Талибаном, создала предпосылки для демонтажа военно-политического присутствия ФРГ в Афганистане. Германский истеблишмент, что иллюстрируют данные табл. 5, противился данному решению [Glatz, Kaim 2020], надеясь на полный или частичный срыв договорённостей даже в условиях готовности уже новой администрации Дж. Байдена выполнить договорённости с Талибаном.

В Мали, где наблюдалось наращивание усилий ФРГ по обеспечению мира и безопасности, ситуация выглядит в целом более позитивно. Здесь ключевой партнёр Германии – не США, а Франция, несущая

[37] Schwarzbuch. Kritisches Handbuch zur Aufrüstung und Einsatzorientierung der Bundeswehr. Berlin: Rosa-Luxemburg-Stiftung und Fraktion die LINKE, 2016. S. 53–86.

Таблица 5

Основные миссии бундесвера вне зоны ответственности НАТО

Миссия, территория/ акватория, эгида	Год запуска	Период роста/пика военных усилий	Предельный «потолок» численности военных (число военнослужащих)	Действующий «потолок» (число военнослужащих)	Численность де-факто, 20.08.2018 (число военнослужащих)	Численность де-факто, 31.08.2020 (число военнослужащих)
Средний и Ближний Восток						
Resolute Support, Афганистан, НАТО	2015 (после ISAF)	С 2016 г.	1300	1300	1095	1026
Борьба с ИГ, Сирия/Ирак, II западная коалиция	2015	2015–2017	1200	500	384	188
UNIFIL, Ливан, ООН	2006	2006/07	1400	300	124	118
Средиземное море						
Sea Guardian, ЕС	2016	С 2016 г.	650	650	227	359
IRINI, ЕС	2020	С 2020 г.	300	300	–	241
Западная Африка и Африканский Рог						
MINUSMA, Мали, ООН	2013	С 2016 г.	1100	1 100	828	863
EUTM Mali, Мали, ЕС	2013	С 2013 г.	450	450	162	71
ATALANTA, Аденский залив, ЕС	2008	2008–2013	1400	400	78	73

Источник: составлено автором по данным бундесвера. https://www.bundeswehr.de и Федеральной статистической службы ФРГ https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/ (дата обращения: 01.01.2021).

основной груз ведения боевых действий. В 2017–2018 годах Германия, действуя в логике «эффекта переплёскивания»[38], стала претендовать на роль гаранта-миротворца для стран «сахельской пятёрки», особое внимание уделяя сотрудничеству с Нигером и Буркина-Фасо[39]. Это происходит на фоне заметного со второй половины 2020-х годов углубления отношений Германии с Тунисом, Алжиром, а также Египтом при президенте А.-Ф. Ас-Сиси (в том числе в связи с запуском механизма ЕС – ЛАГ в 2019 году).

Вместе с тем ситуация в Мали остаётся взрывоопасной: это показала неконституционная смена власти, организованная военными 18–19 августа 2020 года (во многом по аналогии с ситуацией 2012 года, до начала активных действий Франции и Германии), выражавшими недовольство тем, как Бамако борется, в том числе с внешней помощью, с угрозами нестабильности на своей территории. Это указывает, что конфликт в Мали пока не урегулирован. Соответственно, сохранение наработанных военно-политических позиций в Западной и Северной Африке (включая запуск Германией Берлинского формата для урегулирования ситуации в Ливии[40] и последующее активное участие в операции ЕС IRINI) потребует наращивания усилий.

[38] «Эффект переплёскивания» в данном случае означает необходимость приложения усилий по обеспечению мира в районах, сопредельных с основной зоной урегулирования вооружённого конфликта. В данном случае речь идёт о необходимости подкрепления усилий в самой Мали растущей военно-политической активностью в странах «сахельской пятёрки» в целом.

[39] Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/19004, 06.05.2020. S. 6–12.

[40] Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt. Waffenruhe für Libyen. 19.01.2020. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310 (дата обращения: 01.01.2021).

7

Приведённые выше примеры демонстрируют заинтересованность руководства ФРГ, как минимум, в восстановлении военного присутствия на мировой арене на уровне первой половины 2010-х годов. Вновь следует подчеркнуть, что усиление сил кризисного реагирования стоит в планах реформирования бундесвера. СКР ещё с 2000-х годов насыщаются разведывательной автоматизированной (роботизированной) техникой, и это приносит свои плоды. К примеру, наличие группировки беспилотных летательных аппаратов (свыше 40 тактических беспилотников) позволило ФРГ с 2016 г. играть роль «рамочной нации» в вопросах разведки по миссии МИНУСМА.

При анализе планов по развитию бундесвера возникает логичный вопрос: как данные планы сочетаются с бессрочными добровольными ограничениями, которые приняла на себя ФРГ по Договору об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 года[41]. Юридически этот документ остаётся «краеугольным камнем» политики объединённой Германии в сфере безопасности и обороны.

Во-первых, в договоре установлен потолок численности военнослужащих бундесвера – 370 тыс. человек, в том числе в сухопутных войсках и ВВС 345 тыс.[42] Предполагается, что в бундесвере будет 203 тыс. военнослужащих[43]. При таких темпах роста к середине 2030-х годов численность военнослужащих вряд ли превысит 230–240 тыс. солдат и офицеров. Соответственно, сценарий приближения к 370 тыс. маловероятен. Процесс восстановительного роста вооружённых сил стран Запада в целом, стартовавший в середине 2010-х годов, предполагает достижение существенно меньших абсолютных показателей (в первую очередь по численности личного состава, единиц ВиВТ), чем в «холодную войну». Это обусловлено отличительными чертами новой конфронтации, в первую очередь – сравнительно меньшим географическим охватом. Кроме того, значительную часть прироста мощи вооружённых сил должно обеспечить массовое внедрение роботизированной техники [Vogel 2020]. Следует отметить и сложности с набором добровольцев после отмены призыва в бундесвер с 2011 года. В результате в 2018 г. было принято прецедентное решение о допуске к военной службе проживающих в ФРГ выходцев из пока только трёх стран–участниц ЕС: Польши, Румынии и Италии.

Во-вторых, договор от 12 сентября 1990 г. закреплял добровольный отказ Германии от производства, владения и распоряжения всеми основными видами ОМУ/ОМП (ядерным, биологическим и химическим). В то же время на территории ФРГ со времён «холодной войны» остались склады ядерных боеприпасов США (водородные бомбы B-61) на военной базе Бюхель (федеральная земля Рейнланд-Пфальц) – положение, которое резко критикуют Левая партия и Зелёные. Упомянутые единицы ОМУ находятся под суверенитетом Соединённых Штатов, однако в случае необходимости могут быть переданы бундесверу; самолёты 33-й эскадры люфтваффе оснащены оборудованием для транспортировки и применения ядерного оружия. Показателен факт проведения в октябре 2020 г. неафишируемых Берлином учений по отработке принятия на борт и перевозке в боевой обстановке бомб B-61[44].

[41] Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М.: Международные отношения, 1994. С. 34–37.

[42] Там же.

[43] Truppen-Aufstockung auf 203.000 Mann: Bundeswehr auf der Suche nach neuen Soldaten 29.11.2018. URL: https://www.shz.de/deutschland-welt/politik/Aufstockung-Bundeswehr-auf-der-Suche-nach-neuen-Soldaten-id21813272.html (дата обращения: 01.01.2021).

[44] Подготовка к «ядерной войне»: в ФРГ провели «тайные учения». 15.10.2020. URL: https://www.gazeta.ru/army/2020/10/15/13320019.shtml (дата обращения: 01.01.2021).

В-третьих, аналогичная ситуация сложилась с боевыми дронами (беспилотниками). Безусловно, негативный эффект от их применения несопоставимо ниже, чем в случае ОМУ. Вместе с тем, как справедливо указывают широкие круги германской общественности и депутатского корпуса (фракции Союза 90/Зелёные и Левой партии), принятие на вооружение боевых (оснащённых летальным оружием) дронов бундесвера нарушает формулу «мира и только мира, исходящего с немецкой земли», которая была зафиксирована в договоре 12 сентября 1990 года[45]. Руководство ХДС/ХСС изыскивает юридические «лазейки», позволяющие формально не нарушать этого принципа, оснащая бундесвер боевой робототехникой. Между тем замалчивается важнейшее обстоятельство: крупная группировка боевых дронов размещена на базе ВВС США Рамштайн, и в случае необходимости ФРГ может быть предоставлен доступ к ним [Becker 2020: 4–8].

Таким образом, складывается интересная ситуация. В ряде узких мест наращивания военной мощи (доступ к ядерным боезарядам и боевым дронам) ФРГ может добиться положительного результата лишь в тесной кооперации с США – но такая помощь может быть оказана только при условии высокого уровня взаимного доверия, что невозможно без демонстрации официальным Берлином трансатлантической солидарности.

* * *

В конце 2010-х годов усложнение международной обстановки на всех уровнях – от глобального до внутреннего – заметно активизировало усилия ФРГ по укреплению позиций в военно-политической области. Постулируя приверженность принципам мультилатерализма, на практике Берлин наращивает вклад в разработку, принятие и реализацию многосторонних решений, в первую очередь с участием партнёров по евроатлантическому сообществу. В политической сфере эти цели достигаются запуском двусторонних форматов взаимодействия, участием в переговорных площадках, где НАТО и ЕС представляют Германия и Франция. ФРГ с готовностью исполняет роль старшего партнёра в диалоге с малыми и средними государствами–членами Североатлантического альянса и Европейского Союза, в стремлении увеличить собственный вес в евроатлантическом регионе активно используя политическую конъюнктуру – например, в период президентства Д. Трампа.

Внешнеполитическую активность дополняет планомерное наращивание военной мощи, обеспечивающее расширение возможностей ФРГ при формировании многонациональных группировок внутри и вне зоны ответственности НАТО. Де-юре качественный и количественный рост потенциала бундесвера ограничен положениями договора от 12 сентября 1990 года. Де-факто Берлин вплотную приблизился к их частичному пересмотру в вопросах доступа к ОМУ и оснащения дронами. Появляются первые симптомы возможного отхода от концепции стратегической сдержанности как в традиционной зоне ответственности НАТО, так и вне её (в частности, в Западной Африке и Афганистане).

В конце 2010-х годов Берлин достиг заметного прогресса в углублении сотрудничества с широким кругом европейских партнёров по ЕС и НАТО. Шаги, предпринимаемые федеральным правительством для роста ресурсной базы (в том числе военного потенциала), создают потенциал для дальнейшего продвижения к статусу мировой державы.

В то же время резко возросли и препятствия на этом пути. Ключевым из них следует признать неготовность Берлина к выстраиванию кооперативных моделей безопасности с державами вне евроатлантического сообщества, что наглядно иллюстрирует современное состояние российско-

[45] Debatte um Kampfdrohnen für die Bundeswehr. 16.12.2020. URL: https://www.dw.com/de/debatte-um-kampfdrohnen-für-die-bundeswehr/a-55963588 (дата обращения: 01.01.2021).

германских отношений. Кроме того, попытки дальнейшего укрепления позиций Германии встречают растущее (в том числе латентное) сопротивление со стороны других западных держав – в первую очередь США и Великобритании. Наконец, ФРГ пока не удалось на практике выстроить схему эффективного участия в противодействии вооружённому исламизму, что иллюстрирует изменение ключевых точек приложения усилий в данной сфере во второй половине 2010-х годов.

Список литературы

Максимычев И.Ф. Конец меркелевской Европы? О предстоящем завершении одной политической карьеры // Перспективы. 2018. № 4. С. 66–83.
Павлов Н.В. Германия после Меркель (ждать ли изменений во внешней политике ФРГ?) // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 22–35.
Пименова Е.В. Эпоха, которая уходит. Какую Германию оставляет Ангела Меркель // Свободная мысль. 2019. № 2. С. 95–106.
Синдеев А.А. Германия и будущая модель европейского государства // Вестник Забайкальского университета. 2020. № 2. С. 82–89.
Becker P. Bewaffnete Drohnen. Politische, ethische und rechtliche Aspekten. Podiumsdiskussion im Bundesministerium der Verteidigung am 24 März 2020. Berlin, 2020. 31 S.
Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. Berlin: German Institute for International and Security Affairs, Stiftung Wissenschaft und Politik, 2018. 52 p.
Glatz R.L., Kaim M. Mandat verlängern – Abzug vorbereiten // SWP-Aktuell. 2020. März. № 18. 4 S.
Glatz R.L., Zapfe M. Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO // SWP-Aktuell. 2018. August. № 62. 8 S.
Knapp M. Schwerpunkte der deutschen Aussenpolitik im Verhältnis zu den Vereinten Nationen seit 1990 // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 734–745.
Lang K.-O. Polens unersetzbarer Partner // SWP-Aktuell. 2019. Juli. № 37. 8 S.
Major C. Die Rolle der NATO für Europas Verteidigung. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, 2019. 42 S.
Major C., von Voss A. Nordic-Baltic Security, Germany and NATO // SWP Comments. 2016. March. № 13. 8 S.
Meier O. Rüstungskontrolle jenseits des INF-Vertrags // SWP-Aktuell. 2019. April. № 20. 16 S.
Von Ondazra N. Boris Johnson auf Kurs No-Deal Brexit // SWP-Aktuell. 2019. September. № 47. 8 S.
Vogel D. Bundeswehr und Weltraum // SWP-Aktuell. 2020. Oktober. № 79. 4 p.
Yegin M. Turkey between NATO and Russia: The Failed Balance // SWP Comments. 2019. June. № 30. 8 p.

GERMAN STRATEGY AND TACTICS IN MILITARY-POLITICAL SPHERE BY 2020s

FEATURES, BOTTLENECKS AND RESULTS

PHILIPP TRUNOV
INION RAS, Moscow 117997, Russia

Abstract

The article evaluates Germany`s position in military-political field achieved by the end of Angela Merkel`s era. The key dilemma for German establishment is to find a combination of the growing desire to strengthen positions in the world arena and restrictions as a result of historical responsibility for the

outbreak of World War II. It determines FRG`s commitment to the principles of multilateralism and also strategic restraint (in the questions of combat and generally provocative usage of military tools). The paper issues the evolution of this elements of German foreign policy at the end of 2010-s. During the final period of Merkel`s era German establishment has faced the growing number of challenges for FRG`s leadership at the global, regional (Euro-Atlantic community) and internal levels. The article stresses the danger of further growth of «Alternative for Germany» positions for the retention of power by the elite. This danger stimulates the sharp intensification of FRG`s political and military activity by the beginning of the 2020s. Trumpism and Brexit determines the growing importance of deepening contacts with France, small and medium states in military-political sphere for Germany. The scientific paper explores the dynamics and the results of this process at the interstate (on the examples of focus partners) and regional levels. The author also issues German steps directed to the strengthening of positions in the key international structures in the security sphere. The paper explores plans of the build-up of the Bundeswehr for the long-term perspective, the features and «narrow places» of the Bundeswehr modern usage inside and outside the NATO zone of responsibility. The author pays special attention to the correlation between the staring growing of military potential and the restrictions in the Treaty of the Final Settlement with Respect to Germany (1990). The paper concludes about key results and difficulties of the growing of German military-political positions in the world by the beginning of 2020s.

Keywords:

multilateralism; historical responsibility; strategic restraint; Bundeswehr; interstate relations; negotiation format.

References

Becker P. (2020). *Bewaffnete Drohnen. Politische, ethische und rechtliche Aspekten. Podiumsdiskussion im Bundesministerium der Verteidigung am 24 März 2020*. Berlin. 31 S.

Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. (2018). *Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel.* Berlin: German Institute for International and Security Affairs, Stiftung Wissenschaft und Politik. 52 S.

Glatz R.L., Kaim M. (2020). Mandat verlängern – Abzug vorbereiten. *SWP-Aktuell.* März. 18. 4 S.

Glatz R.L., Zapfe M. (2018). Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO. *SWP-Aktuell.* August. 62. 8 S.

Knapp M. (2007). Schwerpunkte der deutschen Aussenpolitik im Verhältnis zu den Vereinten Nationen seit 1990 // *Handbuch zur deutschen Außenpolitik* / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH. S. 734–745.

Lang K.-O. (2019). Polens unersetzbarer Partner // *SWP-Aktuell.* Juli. № 37. 8 S.

Major C. (2019). *Die Rolle der NATO für Europas Verteidigung*. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, 2019. 42 S.

Major C., von Voss A. (2016). Nordic-Baltic Security, Germany and NATO. *SWP Comments*. March. 13. 8 S.

Maksimychev I.F. (2018). Konets merkelevskoi Evropy? O predstoyashchem zavershenii odnoi politicheskoi kar'ery [The end of Merkel's Europe? On the upcoming end of a political career]. *Perspektivi*. 6. P. 66–83.

Meier O. (2019). Rüstungskontrolle jenseits des INF-Vertrags. *SWP-Aktuell.* April. № 20. 16 S.

Von Ondazra N. (2019). Boris Johnson auf Kurs No-Deal Brexit // *SWP-Aktuell.* September. № 47. 8 S.

Pavlov N.V. (2019). Germaniya posle Merkel' (zhdat' li izmenenii vo vneshnei politike FRG?) [Germany after Merkel (whether to wait for changes in the foreign policy of Germany?)]. *Polis*. 6. P. 22–35.

Pimenova E.V. (2019). Epocha, kotorya uchodit. Kaky'u Germaniyu ostavlyaet Angela Merkel [Epoch which goes. What Germany leaves Angela Merkel]. *Svobodnaya mysl'*. 2. P. 95–106.

Sindeev A.A. (2020). Germaniya i budushaya model evropeiskogo gosudarstva [Germany and the future model of the European state]. *Vestnik Zabaikal'skogo universiteta*. 2. P. 82–89.

Vogel D. (2020). Bundeswehr und Weltraum. *SWP-Aktuell.* Oktober. 79. 4 S.

Yegin M. (2019). Turkey between NATO and Russia: The Failed Balance. *SWP Comments.* June. 30. 8 p.